

И.В. Октябрьская, Е.Н. Романова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.001

УДК 39(=1.571)

Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности

Статья посвящена истории российской этнографии – становлению ее теории и осмыслению концепта «народ–этнос–этничность» в контексте социально-политических и интеллектуальных трансформаций. На фоне развития общественно-политического движения России в конце XIX – начале XX вв. происходило становление фундаментальных критериев понятия «народ». В фокусе авторского исследования находятся академические проекты XX в., посвященные коренным и малочисленным народам Севера. Предметом изучения является научное наследие российских ученых-североведов – их прикладные и теоретические изыскания, связанные с реконструкцией и оценкой процессов этногенеза и этнической истории Северной Азии. В работе выделяются и анализируются этапы развития отечественного североведения, а также определяется значительная роль североведов в становлении методологии и методов этноисторических и этногенетических исследований коренных и малочисленных народов Сибири и Севера. Отмечается, что в ходе реорганизации науки постсоветского периода в качестве основного тренда российской этнологии утвердилась методология конструктивизма. На первый план была выведена категория этничности, которая рассматривалась как динамичное иерархическое явление в сложном переплетении системообразующих факторов. Современное североведение характеризуют междисциплинарные стратегии в осмыслении этнической реальности XXI в.

Ключевые слова: народоведение, трансформация, теория этноса, этноисторические и этногенетические исследования народов Севера, советская этнография, российская этнология и «методологический» поворот, этническая идентичность, социальный конструктивизм.

Описание народов России, расширявшей свои пределы и формирующей границы, стало важной стратегической задачей Академии наук, созданной в начале XVIII века. Усилиями исследователей – участников первых академических экспедиций – закладывались основы народоведения, которое формировалось на основе погру-

жения в реалии полиэтничной империи с опорой на историко-архивные изыскания с учетом актуального социокультурного и политического контекста [Ширина, 2001].

В числе тех, кто обосновывал его принципы, был один из немецких ученых, приглашенных для службы в России, А. Шлёцер. В работе

«Всеобщая история Севера» («Allgemeine Nordische Geschichte») (1771) он ввел категорию «народ» /«Volk». Народы А. Шлёцер считал основными субъектами мировой истории, которые нуждались в описании. Эта парадигма определяла перспективы отечественного народоведения и была реализована в исследовательских и издательских проектах, в том числе в первом обобщающем сочинении И. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» (1776–1780). Созданный в этом издании образ России как многонародной страны стал основой ее самоопределения и важным фактором обустройства [Головнев, 2008, с. 7–10].

На протяжении XVIII–XIX вв. народоведение являлось одним из инструментов систематизации человеческих ресурсов Российской империи. Его институализация в формате этнографии произошла в середине XIX в. На протяжении XIX в. усилиями ученых и практиков, представляющих государственные структуры, университетские и музейные центры, земскую и «ссылную науку» и т.д. был сформирован огромный свод материалов и сделаны первые обобщения. Сложилось представление о комплексном подходе к описанию народов, о целостном характере традиционных культур, о взаимосвязи человеческих сообществ и природы и об их исторических трансформациях.

Становление этнографической науки, имевшей прикладное значение в многонародной империи, сопровождалось осмыслением собственного опыта и мировых трендов. Российская этнография/этнология развивалась в общеевропейском контексте, осваивая достижения естественных и гуманитарных наук, а также идеи философов и политиков XIX в., согласно которым развитие общества было связано с исторической деятельностью народных масс. В середине XIX в. в логике диалектического материализма основоположники коммунистического движения в Германии К. Маркс и Ф. Энгельс с классовых позиций сформулировали закон возрастающей роли народных масс в истории. Одновременно с категорией «народ» в мировой науке разрабатывался цивилизационный подход и представления об эволюции и типологии куль-

тур и обществ. К концу XIX в. в России были освоены концепции эволюционизма, антропогеографии, марксизма и проч.

Антропогеографические исследования предполагали пересечение историко-культурного и географического подходов к оценке народов и цивилизаций. При эволюционном подходе категории «народ» и «культура» рассматривались в контексте разделенной на стадии (в соответствии с развитием социальных и культурных технологий) глобальной эволюции. В теории марксизма народ рассматривался сквозь призму социально-классовых отношений.

При всех различиях в идейно-политических и методологических установках российских ученых конца XIX – начала XX вв. (в том числе Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораза, Д.Н. Анучина, Н.Н. Харузина, Д.А. Клеменца, Г.Н. Потанина, Б.Э. Петри, Г.В. Ксенофонтова и др.), пафос их этнографических/этнологических исследований заключался в том, чтобы, выявив универсальные типические закономерности в развитии культур и социальных институтов народов империи, включить сообщества огромной страны (и центра, и периферии) в мировой исторический процесс.

В процессе научных поисков, в контексте развития общественно-политического движения России в конце XIX – начале XX вв. проходила онтологизация понятия «народ». Так, в имперском общественном и академическом дискурсе «народ» все чаще рассматривался как субъект культуры и политики, от социального и духовного самочувствия которого зависела судьба российской государственности и будущее страны.

Обсуждение исторического прошлого, языковых и социокультурных реалий и политических перспектив народов Российской империи сопровождало становление националистических движений. Они опирались на концепт «нация», утверждение которого было связано с освоением европейской политической традиции. В XVIII в., будучи иностранным заимствованием, понятие «нация» (изначально от лат. *patio* – народ/племя) использовалось как аналог понятия «народ», а также для обозначения сообществ политической элиты, держав/империй и государственной принадлежности. По итогам Великой французской революции в Декларации

прав человека и гражданина 1789 г. нация была обозначена как надсословная общность, наделенная суверенитетом и правом политического представительства власти. В XIX в. в ходе политических трансформаций в Европе категория нации была скорректирована в формате этнонация с учетом языковых, культурных и исторических традиций народонаселения формирующихся государств [Миллер, 2012].

В России XIX в. понимание нации коррелировалось с понятиями «народ» и «народность». Из трактовок нации к началу XX в. в отечественном общественно-политическом дискурсе выделилась та, что опиралась на концепции австрийских/немецких социал-демократов. В работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913) один из лидеров российских социал-демократов (большевиков) И.В. Сталин, воспользовавшись определением этнонации европейских политиков, охарактеризовал ее как устойчивую общность людей, сложившуюся на основе единства языка, культуры, территории, экономической жизни и психического склада. Позже эта концепция легла в основу официальной идеологии советской империи.

В начале XX в. концепция нации определила стратегии мобилизации народов Российской империи. Этот процесс сопровождался актуализацией исторической памяти, языкового потенциала и культурного наследия, в том числе в академическом формате. В различных провинциях Российской империи разворачивались национальные проекты, ориентированные на самоопределение этнокультурных сообществ огромной страны.

Одним из них стало движение якутских федералистов, в число основателей и руководителей которого входил Г.В. Ксенофонтов (1888–1938) – юрист по образованию, выпускник Томского университета. Связанный с движением сибирских регионалистов (областников), он многие годы занимался изучением истории и культуры якутского народа; за год до расстрела по сфабрикованному «якутскому делу» в 1937 г. закончил и издал фундаментальный труд «Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов», в котором описал феномен народной памяти и устной традиции. Эта работа стала классикой российской тюркологии. Архивное наследие Г.В. Ксенофонтова было введе-

но в научный оборот лишь после его реабилитации, начиная с 1970-х гг. [Романова, 2003].

Явления, подобные якутскому федерализму, в значительной степени формировали политический и интеллектуальный ландшафт Российской империи начала XX в. В этом контексте большой интерес представляет модель системного историко-культурного, антропологического и этнографического описания украинского народа, предложенная в тот период исследователями и вдохновившая на создание теории этноса (изначально от греч. *ἔθνος* – народ/племя) одного из ведущих российских, украинских этнографов начала XX в. Н.М. Могилянско (1871–1933), чья деятельность до эмиграции в 1918 г. была связана с МАЭ, Русским музеем и университетом в Санкт-Петербурге/Петрограде. Опираясь на многолетние полевые и музейные практики, на глубокое знание европейской и российской гуманитарных традиций, в работах «Этнография и ее задачи» (1902) и «Предмет и задачи этнографии» (1916) ученый дал первое определение этноса. Он предложил понимать его как собрание индивидуумов, объединенных общими чертами физических (антропологических) признаков, общностью исторических судеб и языка, определяющего общность мировоззрения, народной психологии и всей духовной культуры. Этнос, по мнению Н.М. Могилянского, следовало рассматривать как предмет этнографии – науки, которая, имея дело с этническими группами/этнотипами и с явлениями, органически связанными с «этногенезисом», должна была опираться на возможности гуманитарных и естественных дисциплин, включая антропологию [Алымов, 2017].

В определенной мере, следуя выводам Н.М. Могилянского, и почти одновременно с ним над теорией этнографии работал специалист по тунгусо-манчжурским народам Северной Азии С.М. Широкогоров (1871–1933). Получив европейское образование, пройдя курс в Санкт-Петербургском университете, поработав внештатным сотрудником МАЭ, в 1915 г. он отправился в командировку в Манчжурию и Монголию для лингвистических, этнографических, антропологических и археологических изысканий; затем работал на Дальнем Востоке и в Китае. Опираясь на полевые и аналитические исследования, в 1922 г. во Владивостоке он под-

готовил лекционный курс «Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Дальнего Востока», а затем уже в эмиграции – в Шанхае – в 1923 г. издал монографию «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений». Созданная ученым концепция имела системный характер.

Этнос – это группа людей, говорящих на одном языке, признающих единое происхождение, обладающих укладом жизни и обычаями, хранимыми и освященными традицией и отличающимися от обычаев и традиций других групп, – писал С.М. Широкогоров в 1922 г. К числу важнейших признаков этнических сообществ он также относил эндогамию. Рассматривая этнос как целостность в единстве биологической, социальной, культурной и психоментальной составляющих, он считал возможным использовать для его изучения не нормативный, а генетический подход – в динамике отношений с первичной природной средой обитания, со средой (сферой) культуры, а также с внешней средой этнического окружения. Признавая этнос базовой универсальной формой объединения человеческих сообществ и воспроизводства человечества как вида, ученый рассматривал его как результирующую центробежных и центростремительных векторов трансформации, как «процесс» становления, развития и угасания с возможным изменением основных характеристик. Сквозь призму теории этноса С.М. Широкогоров трактовал человеческую сущность в единстве этнической, социальной, культурной, политической и др. идентичностей, структура которых формировалась под влиянием реальных условий. В этой структуре категория «нация» (как общность, имеющая собственное государство), по мнению исследователя (при отсутствии политических форм самоорганизации этноса), не могла подменять этнический уровень в силу своей неопределенности [Кузнецов, 2006; Широкогоров, 2001].

Уже в 1930-е гг. эти теоретические положения, как и прикладные работы С.М. Широкогорова, стали известны в странах Европы и Азии; но в советской России имя ученого-эмигранта долгие годы оставалось под запретом. В то же время теория этноса дискутировалась в стране вплоть до конца 1920-х гг. в период становления Советского социалистического государства.

Одним из первых декретов нового государства стала Декларация прав народов России 1917 г., провозгласившая равенство всех ее народов, их право на самоопределение, вплоть до отделения, отмену всех национальных и религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств. Ее подписал И.В. Сталин – в 1917 г. глава созданного одним из первых в ходе революционных преобразований Комиссариата по делам национальностей. В 1918 г. в состав Наркомнаца входили 11 национальных комитетов и 8 отделов, в том числе отдел народов Сибири.

Первое десятилетие советской власти ознаменовалось парадом суверенитетов и расцветом народоведения. Для изучения человеческих ресурсов многонациональной страны был создан ряд научных центров; инициированы образовательные и издательские проекты. Этнографическая специализация возникла в столичных университетах: этнография/этнология как один из ресурсов развития стала «квинтэссенцией общественных наук» [Головнев, 2008, с. 21–22].

В этом контексте ориентация на теорию этноса (по версии Н.М. Могилянского) могла изменить предметную область российского народоведения, приблизив ее к современности. Но методологический переход не был поддержан поколением исследователей рубежа XIX–XX вв., которые ориентировались на палео-этнографические реконструкции культурных и социальных универсалий в духе эволюционизма. Перемены стали невозможны к концу 1920-х гг., когда существенно изменилась этнополитическая ситуация в стране.

Изначально осваивая и поощряя этнокультурное многообразие и инициативы этнических элит, большевистское руководство укрепляло свои позиции в регионах. Затем был совершен переход от практик суверенизации к централизации управления многонациональной страной. В 1922 г. был образован СССР. Перспективу союзного государства определили задачи политической консолидации и социальной унификации на основе коммунистической идеологии и советских социальных, социокультурных и административно-управленческих практик. В этом контексте с позиций рисков и репрессивных ограничений стали оцениваться не только националистические проекты, но и на-

правленные на самоопределение культурные инициативы и академические исследования.

Рубеж 1920–1930-х гг. был также ознаменован ревизией этнографии, ограничениями деятельности образовательных и академических центров. На совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. теоретической основой этнографии/этнологии было объявлено марксистское учение о социально-экономических формациях, а главной ее задачей – анализ социально-экономических отношений на примере конкретных сообществ. Концепция этноса была подвергнута критике за антиисторичность и биологизаторство в пользу теории нации [Алымов, Арзютов, 2014].

Но при этом народы (этнос) продолжали оставаться и оцениваться в качестве субъектов истории, политики и права советского государства. Национально-политические автономии (союзные республики) формировали структуру СССР; учет населения осуществлялся по национальному признаку; графа о национальности с 1932 г. была включена в паспорт гражданина страны; в 1938 г. в составе высшего органа государственной власти – Верховного Совета СССР начал действовать Совет национальностей. Научные центры были созданы во многих автономиях СССР. Проблемы исторической преемственности в становлении и развитии многонационального сообщества по-прежнему определяли содержание этнографических исследований, которые, однако, были скорректированы формационным подходом.

Примечательно, что в 1935 году на Северо-Востоке России был организован первый научно-исследовательский Институт языка и культуры (г. Якутск) – национальный проект интеллектуалов Г.В. Ксенофонтова и П.А. Ойунского, акторов нацистроительства. Этнографическая наука с 1930-х гг., опираясь на возможности археологических изысканий, сравнительно-исторического языкознания, практики исторических реконструкций, пытались проследить элементы древности в культуре и в социальных структурах современности. Ретроспективный анализ был неотделим от этногенетических изысканий. И уже в 1932 г. Археолого-этнографическое совещание определило процесс этногенеза одним из исследовательских приоритетов советской гуманитарной науки. В 1939 г. была учреждена

комиссия по проблемам этногенеза под председательством чл.-корр. АН СССР А.Д. Удальцова. В 1940 г. состоялось созданное комиссией совещание по этногенезу народов Севера с участием сотрудников ведущих научных центров. В докладах А. П. Окладникова, А.В. Збруевой, В.Н. Чернецова, Н.Н. Чебоксарова, Т.А. Трофимова, Г.Н. Прокофьева, С.А. Токарева, А.М. Золотарева нашли отражение проблемы интерпретации археологических и этнографических материалов, сопоставление которых позволило нащупать исторические связи между древними сообществами и позднейшими группами северных народов. Так, исторические корни эвенков были прослежены в Прибайкалье от времени перехода от неолита к бронзовому веку. Доклады других исследователей показали, что уже с бронзового века в границах Сибири начались интенсивные контакты между населением степной и лесной полосы. Влияние культуры скифской степи было прослежено в докладах о сложном процессе формирования обско-югорских народов, в антропологическом типе и культуре которых выделялись элементы, связанные с древними арктическими и таежными охотниками, с одной стороны, и кочевниками-коневодами, с другой. Сходная картина была воссоздана в отношении самодийских народов Обь-Енисейского бассейна (ненцев и селькупов), показавшая, что в культуре и языке этих народов отложились элементы, родственные как палеоазиатам северо-восточной Азии, так и древним племенам Приуралья.

На совещании рассматривались также проблемы происхождения якутов, чукчей, коряков и т.д. В его резолюции было отмечено, что, несмотря на значительные достижения, работа в области этногенеза народов Севера носит еще случайный характер. Плановая разработка этой проблемы была обозначена как важнейшая перспектива [Толстов, 1941, с. 3–5].

При спорности некоторых положений, обозначенных на совещании 1940 г., этногенетическое направление североведческих исследований разрабатывалось на протяжении многих последующих десятилетий. В послевоенной России, заново осваивающей свои ресурсы и рубежи, к концу 1940-х гг. на государственном и академическом уровне сформировались представления о важности этнографических исследова-

дований. Была проведена реструктуризация научных центров. Возглавивший московский Институт этнографии С.П. Толстов на уровень академических приоритетов вывел проблемы этногеографии и этногенеза, при этом прошлое следовало рассматривать в связи с оценкой настоящего. В 1946 г., провозгласив сложившейся советскую школу в этнографии, главной ее отличительной чертой он назвал историзм, требующий исследования культуры каждого народа [Альмов, 2009].

В 1946 г. в материалах Института этнографии была опубликована работа Г.М. Василевич «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов». В 1948 г. вышел в свет труд одного из ведущих этнографов Ленинграда Л.П. Потапова «Очерки по истории алтайцев», удостоенный Сталинской премии. В 1949 г. была опубликована статья известного археолога М.И. Артамонова «К вопросу об этногенезе в советской археологии», обозначившая методологические основы в изучении прошлого. В том же 1949 г. в монографии «Якутия до присоединения к Русскому государству» А.П. Окладников, опираясь на широкий круг археологических, фольклорных, этнографических и исторических данных, системно изложил версию этногенеза якутов: он подчеркнул, что якутский народ образовался в результате длительного и сложного развития; вслед за Б.Э. Петри, Г.В. Ксенофоновым выделил в их происхождении наличие южных компонентов, указал на связи поздних якутов с курумчинской культурой Прибайкалья, носителями которой были курыканы [Окладников, 1949].

На протяжении 1940-х гг. в этногенетических исследованиях формировался междисциплинарный подход с использованием широкого круга источников. В ноябре 1951 г. эта проблема обсуждалась на совещании по методологии с участием археологов, этнографов, языковедов [Альмов, 2009]. В четвертом номере журнала «Советская этнография» за 1951 г. была опубликована статья С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова «Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания».

На исходе 1950-х гг. категория этноса вновь была обозначена в академическом дискурсе. Ее утверждение в советской этнографии совпало с расширением прикладных и фундаментальных

исследований в различных регионах СССР, в том числе в Сибири, освоение ресурсов которой на тот период определяло перспективы индустриального развития советского государства.

В соответствии с актуальными задачами и государственными программами быстрого развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока в 1955 г. в московском Институте этнографии был создан сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера, переименованный впоследствии в сектор Крайнего Севера и Сибири. Его возглавил Б.О. Долгих – к тому времени известный этнограф-северовед. В 1956 г. под его руководством была создана Северная экспедиция. Одним из ее участников стал И.С. Гурвич (позднее возглавивший сектор), научная карьера которого начиналась в Якутии в 1940-е гг. В 1966 г. он защитил докторскую диссертацию «Этническая история Северо-Востока Сибири».

В 1950–1960-е гг., выполняя прикладные разработки на основе этносоциальной экспертизы, сотрудники сектора Крайнего Севера и Сибири закладывали основы системных этно-исторических и этногенетических исследований. Эти исследования приобрели широкомасштабный характер с созданием в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук СССР. Организацию его гуманитарного центра в Новосибирске возглавил приглашенный из Ленинграда А.П. Окладников. В 1966 г. уже в статусе чл.-корр. (затем акад. АН СССР) он стал директором Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Комплексный диахронный подход определил программу долговременных исследований института, лег в основу 5-томного издания «История Сибири с древнейших времен до наших дней», которое вышло в 1968–1969 гг. и было отмечено Государственной премией СССР.

Заметным событием в развитии этногенетического направления стала публикация в 1963 г. работы Б.О. Долгих «Происхождение долган». В 1969 г. были изданы монографии сотрудника ленинградской части Института этнографии Г.М. Василевич «Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков)» и лидера ленинградского центра этнографии Л.П. Потапова «Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк», которой предшествовал «Очерк этноге-

неза южных алтайцев», изданный в 1952 г. в «Советской этнографии». Появление этих публикаций обозначило смену исследовательской парадигмы советских ученых, которые с 1930-х гг., ориентируясь на эволюционный подход, теорию исторического материализма и типизацию на основе цивилизационной и формационной моделей, работали над проблемами «пережитков» и социалистических преобразований в истории народов СССР.

Основой переформатирования советской этнографии середины XX в. стала теория этноса в ее новом советском прочтении. Пересмотр методологии был, кроме прочего, обусловлен изменениями социально-политического контекста советского государства, в 1960–1970-х гг. вступившего в череду юбилеев. Сопутствующая государственным юбилеям оценка национальной политики СССР обозначила проблему единства и различий, сформировавшихся к этому времени советских этнонаций. Еще в 1961 г. Н.С. Хрущев (в те годы лидер КПСС) в докладе о новой программе на XXII съезде партии объявил о создании новой исторической общности – советский народ, объединяющий различные национальности, которым были присущи общие черты в духовном облике и психологии, которые имели единую социалистическую Родину, общую экономическую базу, единую социальную структуру, общее мировоззрение (марксизм-ленинизм) и цель – построение коммунизма.

В Конституции 1977 г. СССР был позиционирован как социалистическое общенародное государство зрелых общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ; вся власть в СССР принадлежала народу. Категория «народ» вновь нуждалась в обосновании с позиций ценностей государства, общества и науки периода «развитого социализма».

Реновация теории этноса (народа) произошла в 1964 г.: на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве Ю.В. Бромлей (один из ведущих балканистов России) объявил концепцию этноса теоретической основой советской этнографии. В качестве директора Института этнографии АН

СССР, начиная с 1970-х гг., он углубленно занимался методологией и теорией этноса. Им была опубликована серия работ: «К характеристике понятия «этнос»» (1971), «Этнос и этнография» (1973), «Очерки теории этноса» (1983), «Человечество — это народы» (в соавторстве с Р. Г. Подольным) (1990) и др.

Теория этноса, реставрированная на основе разработок российских и европейских авторов, позволяла описать многонародное, многонациональное сообщество СССР как сложноорганизованную систему, состоящую из сообществ разных порядков, находящихся в сложных взаимоотношениях друг с другом и с государством и имеющих многоуровневые идентичности.

Согласно ставшей каноном советской этнографии формуле акад. Ю.В. Бромлея, этнос, имея социально-биологическую основу (которую описывали в категориях физической антропологии, генетики и демографии), представлял собой исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры, языка и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании. Все признаки этноса (включая самосознание) имели подвижный характер; их актуализацию определяли механизмы адаптации к меняющимся эколого-экономическим, социо-культурным, политическим обстоятельствам и особенности межкультурных (межэтнических) коммуникаций. В своем становлении (развитии) этносы принимали различные формы самоорганизации. Включенные в процессы государственного строительства, они обретали свойства «этносоциального организма», нации (этно нации) являлись формой политического самовыражения этносов. Их историческая траектория была спроецирована Ю.В. Бромлеем на схему эволюции общественно-политических формаций. Этот компромисс делал вполне функциональную теорию политкорректной и совместимой с концепциями исторического материализма и идеологией коммунизма (социализма), определявшими рамки советской гуманитарной науки [Бромлей, 1983].

Отрицание политических проекций в существовании этноса составляло суть полемики,

развернувшейся в публицистике и науке 1970–1980-х гг. по поводу сравнения теорий Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева – доктора географ. наук, автора одной из самых популярных в России книг «Этногенез и биосфера Земли». Согласно концепции Л.Н. Гумилева (продолжавшего традиции русских космистов, евразийцев, немецких философов-романтиков и т.д.), этносфера, имея энергетическую природу и будучи открытой (многоуровневой) системой, являлась частью биосферы Земли. История этносов и их взаимодействий разворачивалась в земных ландшафтах вне политического контекста. При всей спорности этих суждений Л.Н. Гумилев считал этносы естественной формой существования человеческого сообщества, это объединяло его концепцию и концепцию Ю.В. Бромлея.

Теория этноса корреспондировала с концепциями антропо-, глотто-, культурогенеза, концепциями синкретизма традиционной (этнической) многосферной культуры, культурно-хозяйственных типов, историко-этнографических областей, этнических ареалов и проч. Эта системная по своему характеру методология разрабатывалась усилиями многих ученых: Р.Ф. Итса, С.А. Арутюнова, Н.Н. Чебоксарова, В.В. Пименова, В.И. Козлова, Г.Е. Маркова, Г.Ф. Дебеца и др. Этапной в ее становлении стала книга «Современные этнические процессы в СССР», вышедшая в 1975 и 1977 гг. и в 1981 г. получившая Государственную премию СССР.

Большую роль в становлении методологии и методов этноисторических и этногенетических исследований сыграли работы Г.И. Пелих, представляющей томскую этнографическую школу. Содержание ее программной монографии «Происхождение селькупов» 1972 г. и др. публикаций определял ретроспективный подход: на полевого материале автор выделяла субстратные компоненты этногенеза селькупов. Опираясь на актуальную для палео-этнографических исследований методику этнической идентификации различных источников (технологии, утварь, орнаментика, мифология и т.д.), Г.И. Пелих реконструировала в культуре селькупов несколько разновременных (изначально принадлежащих к различным культурам) комплексов.

Принципы многофакторности и стадийности процессов этногенеза осваивались в российской этнологии на протяжении нескольких

десятилетий. В монографии Института этнографии «Этногенез народов Севера» 1980 г. ведущие североведы страны во главе с И.С. Гурвичем предприняли попытку разработать общую схему этногенеза коренных обитателей Сибири: самов (устаревшее – лопари), ненцев (самоеды), энцев (хантайские и карасинские самоеды), хантов (остяки), манси (вогулы), селькупов (остяко-самоеды), эвенов (ламуты), эвенков (тунгусы), нанайцев (гольды), удэгейцев, нивхов (гиляки), коряков, ительменов, орочей, ульчей, негидальцев, азиатских эскимосов, чукчей [Этногенез, 1980].

Этот обобщающий труд сразу стал заметным явлением в этнографии и в советской исторической науке в целом. Подчеркивая принципиальную связь современных и исторических этносов Севера, а также несводимость проблемы их формирования лишь к поискам прародины и оценкам миграций, авторы коллективной работы акцентировали многоуровневый характер разновременных культурных напластований и возможность обособления автохтонных сообществ в процессе дивергентного развития. Этногенетические проблемы в работе рассматриваются и на уровне этнокультурных локальностей, и в пределах больших этнолингвистических сообществ историко-культурных областей Сибири. Исследования опирались на принципы историко-культурного районирования с выделением территорий, у населения которых в силу общности исторических судеб, тенденций социально-экономического развития и взаимного влияния сложились сходные технологии природопользования, бытовые особенности, социо-нормативные и символические практики, но не сложилось общего самосознания [Этногенез, 1980].

Сопоставление исторических и этнографических данных позволило исследователям сделать вывод, что в пределах историко-этнографических общностей в рамках историко-культурных областей происходило формирование отдельных народов как культурно-генетических образований. Под этногенезом понимался растянутый во времени процесс формирования антропологических, лингвистических и культурных особенностей той или иной этнической общности.

Этот подход определял комплексный характер исследований: принципы совместности

данных этнографии, антропологии, археологии, лингвистики и истории широко обсуждались в российской науке 1970–1980-х гг. Результаты и перспективы исследования культуро-, расо- и этногенеза народов Сибири (и шире Евразии) от древности до современности определили формат Западносибирской археолого-этнографической конференции на базе ТГУ (г. Томск), у истоков которой стояли выдающиеся ученые А.П. Окладников, В.Н. Чернецов, А.П. Дульзон, В.И. Матющенко, Н.А. Томилов, Л.А. Чиндина и мн. др.

Рассматривая этногенез как динамичный процесс в единстве многих факторов, североведы выделяли этапы становления и трансформации этносов вплоть до обретения ими устойчивого самосознания. Каждый из этапов был связан с конкретной формой идентификации (родовой, территориальной и т.д.); возможным итогом развития признавалось политическое самоопределение этноса. При этом процесс этногенеза отделялся от этнической истории, под которой понимали развитие уже сложившихся этносов с относительно устойчивыми признаками – языком и культурой. Анализ этногенетических процессов в основном ограничился событиями XVII в. [Этногенез, 1980]

Продолжением проекта Института этнографии, посвященного этногенезу народов Севера, стала коллективная монография «Этническая история народов Севера» 1982 г. (под редакцией И.С. Гурвича). В ней, опираясь на архивные материалы XVII–XIX вв., исследователи констатировали неопределенность языковых и этнокультурных границ в Сибири на протяжении нескольких столетий. В XVII в. предки многих современных народов Севера представляли собой слабо структурированные диалектно-территориальные, этнокультурные группы, были известны под разными этнонимами. В таких сообществах обычно отсутствовало общее самосознание и единое самоназвание. Это позволяло отнести их к макро-этнолингвистическим общностям. Консолидированный облик к концу XIX в., по мнению ученых, приобрели лишь ненцы, чукчи, ханты, тогда как формирование других народов было еще далеко от завершения. Основные тенденции развития народов Севера после их вхождения в состав России определил процесс внутренней консолидации с одновременным складыванием единой культуры в пределах этниче-

ских ареалов, а также процесс преодоления культурной, языковой и родовой дробности [Этническая история, 1982].

В заключении монографии «Этническая история народов Севера» И.С. Гурвич подчеркивал: «Рассмотрение этнической истории Северной Сибири на протяжении XVII – начала XVIII вв. показывает, что все ныне существующие этнические общности этого обширного региона прошли большой путь в своем этническом развитии. Эти малочисленные этнические образования, осваивавшие тайгу, тундру, лесотундру, берега арктических морей, сформировались в результате сложных ассимиляционных, консолидационных и разделительных процессов, эволюции внутренней социальной и этнической структуры, разнообразных этнических взаимодействий» [Этническая история, 1982, с. 265].

В целом заложенное в коллективных монографиях «Этногенез народов Севера» (1980) и «Этническая история народов Севера» (1982) понимание динамической природы этноса стало одной из аксиом советской этнографии/этнологии.

В этот период, рассматривая актуальные проблемы этногенеза, лидер омской этнографической школы, автор серии работ по этнической истории тюркских народов Западной Сибири Н.А. Томилов обозначил сложный контент, стоящий за этой категорией. Концептуально оформив точку зрения ряда авторов, ориентированных на интерпретацию этноисторических сюжетов Сибирского и шире – Центрально-Азиатского региона, он ввел расширительное толкование этногенетических и этноисторических сюжетов Сибирского региона. Рассматривая этническую историю в единстве этногенеза, этнического развития (этнодинамики) и этнической трансформации, исследователь обозначил ее принципиальную непрерывность, многофакторность и универсальность, распространив это понятие на все разновидности историко-культурных общностей: этнографических, этнических, этносоциальных. В серии публикаций (в том числе в монографии «Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири)» 1993 г.) в структуре этнической истории он выделил этнокультурную, этноязыковую, этнотерриториальную и другие составляющие [Томилов, 1993, с.17–27].

Развивая тему непрерывности этногенеза, один из ведущих антропологов России В.П. Алексеев в учебнике для высшей школы «Этногенез» и в монографии «Историческая антропология и этногенез» 1989 г. изложил концептуальный подход к пониманию его глобального характера. В своих размышлениях акад. В.П. Алексеев опирался на работы предшественников и современников, в том числе на выводы Г.Ф. Дебеца о соотношении расо-генетических процессов и этнической истории [Золоторева, Дебец, 1974]. Он подчеркивал, что для ранних этапов человеческой истории можно было бы говорить о потенциальной тенденции этнообразования, когда при достижении критической численности человеческого сообщества возникают предпосылки выделения в пространстве панэйкуменного развития отдельных локусов и начинается формирование «этногенетических пучков» (а также кустов, деревьев, ветвей). Антропологический облик современных народов, подчеркивал ученый, имеет, как правило, древнее происхождение и прослеживается с определенными модификациями с эпохи бронзы и неолита, складывается в окончательном виде, очевидно, в период средневековья, или чуть раньше – в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э.; при этом модели этногенеза существенно различаются в зависимости от конкретной ситуации (изоляция и этнической непрерывности и т.д.) – их выражением и становятся этногенетические пучки [Алексеев, 1989, с. 144–155].

При всей спорности суждений о древности этногенеза понимание этого процесса в продолжении антропо- и расогенеза и одной из составляющих всемирно-исторического процесса стало одним из выводов дискуссии, развернувшейся в советской науке конца 1980-х гг. Это стимулировало дальнейшее развитие интеграционных проектов по изучению этногенеза с участием лингвистов, этнографов, археологов, антропологов, генетиков. Методология исследований в этой сфере получила развитие в коллективных и авторских трудах 1990-х гг. В 1992 г. вышла обобщающая монография Н.А. Томилова «Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв.»; в 1993 г. – фундаментальная работа А.И. Гоголева «Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры)»; в 1995 г. – коллек-

тивная монография «История и культура хантов» с очерком «Этногенез» В.И. Молодина, в 1999 г. – «Этнополитическая история тюрков Южной Сибири, XVII – начало XX вв.» Л.И. Шерстовой; в 2003 г. – «История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки»; в 2008 г. – книга М.Г. Турова «Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории» и т.д.

Но в тот же период, с 1990-х гг., в гуманитарной науке утвердилось вариативное исследование феномена этноса и его происхождения стали обсуждаться не только с позиций примордиализма и эссенциализма (субстанционализма), но также с позиций инструментализма, перенниализма, конструктивизма, модернизма. Была актуализирована этнополитическая проблематика. Она традиционно занимала большое место в отечественной этнографии. В работах Л.Е. Куббеля и ряда других ученых 1970–1980-х гг. были сформулированы положения о том, что политическая культура выступает важнейшим средством интеграции этнически разнородного населения, политическое развитие определяет степень консолидации этноса, отражением чего является устойчивое самосознание этнополитической общности [Куббель, 1988].

Начиная с 1990-х гг., в ходе реструктуризации постсоветского пространства проблема приобрела прикладной характер. Категория «этнос» вошла в общественно-политический лексикон и систему законодательных актов новых субъектов Российской Федерации. Этнонациональные доктрины, возникшие в постсоветских автономиях, объявили этнос главной ценностью, а в современной этнологии развернулась дискуссия по поводу самого термина.

В ответ на вызовы времени в серии академических и публицистических работ лидер постсоветской этнографии/этнологии директор Института этнологии и антропологии (в новой редакции) акад. В.А. Тишков, с одной стороны, обозначил деструктивные риски, рожденные проектами этнонациональных элит постсоветской России, а с другой – перспективы политической консолидации российской многонациональной нации. В своих теоретических трудах он предложил концепцию, согласно которой этнос следовало рассматривать как конструкт, созда-

ваемый усилиями «этнических предпринимателей», властных, научных и культурных элит в их борьбе за контроль над политическими ресурсами и институтами для обеспечения социального комфорта в рамках культурно-гомогенных обществ [Тишков, 2003, с. 538].

Считая возможным отказаться от категории «этнос» в пользу термина «этничность»/«этническая идентичность», утвердившегося в англо-американской традиции в 1970-е гг., В.А. Тишков рассматривал этническую идентичность как форму контроля и солидарного поведения, направленную на социально-политическую мобилизацию [Тишков, 2003, с. 105]. Результатом такого подхода стало утверждение методологии социального конструктивизма в качестве основного тренда российской гуманитарной науки. Конструктивизм, поставивший под сомнение традиционную объектно-предметную сферу этнографии/этнологии, стал методом изучения действующих лиц и сценариев нацистроительства.

Сделав ставку на политические инициативы элит в трансформации этнических сообществ и лишив этнос качеств субъекта истории, сторонники конструктивизма попытались отказаться от категорий «этногенез» и «этническая история». На первый план были выведены проблемы идентификаций и самоопределения, взаимоотношений индивида и референтной группы, которые соответствовали его персональным установкам. При всей спорности неизбежной в этой ситуации субъективации исследовательских процедур несомненным достоинством конструктивистского подхода (в прикладном измерении не отрицающего, а потенциально дополняющего исторические исследования), является ориентация на социально-политические аспекты этничности, которая рассматривается как динамичное иерархическое явление в сложном переплетении системообразующих факторов. Такой подход позволяет вскрыть внутренние факторы и обстоятельства изменения реальных этнополитических ситуаций и является основой сближения конструктивистских и этноисторических (этногенетических) исследований, где «... этнос и этничность – лишь научные категории, обозначающие историко-социальную сущность, сосредоточенную в особенностях культуры людских сообществ, члены которых

осознают эти особенности более всего через собственную историю и самоназвание...» [Заринов, 2003, с. 36].

В программной статье «Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе» одной из важных тенденций развития этнологической науки академик В.А. Тишков отмечает соединение этнографической традиции и новых направлений [ЭО, 2020].

Сохраняя интеллектуальное наследие североведов в области изучения древностей, их знания о народах и полевой опыт, современное поколение ученых развивает этноисторические исследования в новых условиях глобальных вызовов. Российское североведение характеризуют междисциплинарные стратегии в осмыслении этнической реальности XXI в.

Литература

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – 445 с.

Алымов С.С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2009. – №3. – С. 7–36. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/3/kosmopolitizm-marrizm-i-prochie-grehi-otechestvennye-etnografy-i-arheologi-na-rubezhe-1940-8212-1950-h-godov.html> (дата обращения: 1.06.2020)

Алымов С.С. Украинские корни теории этноса // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 5. – С. 67–84.

Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). – СПб: МАЭ РАН, 2014. – С. 21–90.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 413 с.

Головинёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. – 2008. – №1. – С. 6–39.

Заринов И.Ю. Исследование феноменов «этноса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология 1960–1990-е годы. – М., 2003. – С.18–36.

Расогенетические процессы в этнической истории: Сборник памяти Г.Ф. Дебеца / Отв. ред. И.М. Золотарева. – М.: Наука, 1974. – 264 с.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 271 с.

Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 57–71.

Миллер А.И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. – 2012. – № 1. – С. 162–186.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству. – Якутск: Якутгосиздат, 1949. – 440 с.

Романова Е.Н. Г.В. Ксенофонов: миф о странствующем герое // Репрессированные этнографы. – Вып. 2. – М., 2003. – С. 78–104.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 2. – С. 72–92.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – 222 с.

Толстов С.П. Итоги совещания по этногенезу народов Севера // КСИИМК. – Вып. IX. – 1941. – С. 3–5.

Ширина Д.А. Россия: Научные исследования Арктики XVIII в. – 1917 г. – Новосибирск: Наука, 2001. – 191 с.

Широкогородов С.М. Избранные работы и материалы. Кн. 1. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 192 с.

I.V. Oktyabrskaya., E.N. Romanova

Northern Studies in the History of Russian Ethnography: from Describing Peoples to Constructing Ethnicity

The article is devoted to the history of Russian ethnography the formation of its theory and comprehension of the concept of people ethnos ethnicity in the context of sociopolitical and intellectual transformations. The formation of fundamental criteria for the concept of ‘people’ took place amidst development of the sociopolitical movement in Russia at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The author’s research focuses on academic projects of the 20th century, dedicated to the indigenous peoples of the North. The subject of the study is the scientific heritage of Russian scholars of Northern studies their applied and theoretical research related to the reconstruction and assessment of the processes of ethno-genesis and the ethnic history of North Asia. The work highlights and analyzes the stages of development of Russian Northern studies. The article is defined the significant role of northern scholars in the development of the methodology and methods of ethno-historical and ethno-genetic research among the indigenous peoples of Siberia and the North. It is noted that during the reorganization of science in the post-Soviet period, the methodology of constructivism was established as the main trend in Russian ethnology. The category of “ethnicity” was brought to the fore, which was viewed as a dynamic hierarchical phenomenon in a complex interweaving of system-forming factors. Modern northern studies are characterized by interdisciplinary strategies in understanding the ethnic reality of the 21st century.

Keywords: ethnology, transformation, theory of ethnos, ethno-historical and ethno-genetic studies of the peoples of the North, Soviet ethnography, Russian ethnology and “methodological” turn, ethnic identity, social constructivism.